

Спустя ещё несколько минут управляющий вернулся, держа в руках кусок полотна, причём обращался мужчина с тканью крайне осторожно, словно нёс только что родившегося ребёнка. Наконец материал оказался перед Фу Туном, и старик тотчас же разложил его, позволяя всем рассмотреть.

После Фу Тун обратился к Цю Юэ:

— Дочка[1], глянь-ка на эту пару материй, что лежат друг напротив друга.

На самом деле сравнивать ткани было не обязательно, так как стоило им лечь рядом, сразу бросалось в глаза качество, показывая, где лучшее, а где похуже.

Хоть лиловый, что окрашивал первую ткань, на вид казался нежным и очаровательным, однако второй кусок ткани, лежащий рядом, тотчас же украл все почести. Недавно принесённый материал обладал благородным ослепительным лиловым оттенком, в сравнении с которым первая ткань, наоборот, выглядела безжизненно и мрачно.

Цю Юэ удивилась и в то же время обрадовалась:

— Ого! Никогда не видела такой лиловый цвет! — И, вытянув руку, скользнула по ткани.

Две другие служанки, Цю Син и Цю Лань, также были очарованы столь непостижимо прекрасным цветом, потому зацокали языками, изумляясь.

Цю Лань высказалась:

— В сокровищнице семьи Сяо, кажется, такого материала нет. Нужно купить немного, чтобы потом сшить князю Мину пару нарядов, которые наверняка придадут ему красивый и изящный вид.

На что Фэн Мин возразил:

— У меня много нарядов, ни к чему ещё шить, лучше сшей Жун Ху. Да, кстати, Цю Юэ, ты тоже сшей один наряд и для Ло Юня, по-моему, у него одежда либо чёрная, либо серая.

На лице девушки читалось замешательство, а с губ сорвался не менее удивлённый вопрос:

— Почему мне нужно ему шить? Я ему не... — последнюю фразу служанка подавила, словно почувствовав, что отговаривается, и, опустив голову, начала поглаживать ткань, не в силах ни отвести от неё взгляд, ни выпустить из рук.

Стоящий в стороне Ло Юнь, боясь, что Цю Юэ будут расспрашивать, ещё больше смущая, покашлял и, вставляя слово, обратился к Фу Туна:

— Сколько стоит эта лиловая ткань?

Старик же посмотрел на князя.

Фэн Мин, в свою очередь, очень хотел для своих служанок прикупить этот материал, и девушки зашумели от радости и с большим интересом уставились на Фу Туна.

Но кто бы мог подумать, что на старческом лице появится озадаченность, и, поморщившись, мужчина сказал Фэн Мину:

— Данная просьба и впрямь кого угодно загонит в тупик[2]. Если молодой господин Сяо на что-нибудь другое обратит свой взор, то может смело это забрать, я даже лично посчитаю, что вручил выбранное другу. Но именно эту настоящую небесно-лиловую материю всё же не продам.

— А?

На лицах трёх служанок появилось одинаково разочарованное выражение.

— Почему не продадите?

— Мы заплатим больше, пойдёт?

— Почтеннейший, Вы даже одного лоскута не дадите? — проговорила Цю Лань. — Мы слышали о славе небесно-лилового цвета и, пользуясь редким случаем пребывания в Тун, специально искали «счастливые врата»[3].

На старческом лице внезапно появилась шелковинка холодности, а сам Фу Тун со вздохом сказал:

— Дочка, ты знать не знаешь, что этот материал, который ты видишь, вероятно, самый последний в мире настоящий знаменитый[4] небесно-лиловый.

Множество людей обменялись растерянными взглядами и стояли с одинаковым удивлением на лице.

Вы, почтеннейший, раз не хотите продавать, так к чему придумывать что-то настолько серьёзное?

Фу Тун, обладая мудрым умом, лишь бросив на их лица взгляд, понял, о чём все думают, и, растянув горькую улыбку, спросил:

— Вы считаете, что я несу чепуху?

— А? Нет-нет, — Фэн Мин вместе со служанками закачал головой.

Ло Юнь из-за отношения Цю Юэ тоже обратил внимание на кусок ткани, которая не вызывала у парня никаких чувств, и шёпотом задал вопрос:

— А почему говорите, что это последний кусок?

— Ах... — подобные слова задели за живое, принося боль, и Фу Тун выпустил долгий вздох. Лишь недавно при появлении в его лавке достопочтенных людей рода Сяо он, старик, воспрял духом и немного оживился — но, казалось, с этим долгим вздохом мужчина стал выглядеть ещё более дряхлым.

Старческие руки мелко дрожали, потому управляющий спешно подал хозяину чашечку с тёплым чаем.

Опустив голову, мужчина, дрожа, поднёс чай ко рту, медленно отхлебнул, после чего вручил управляющему чашечку и только тогда с искренними чувствами скользнул как пальцами, так и взглядом по всей душей любимому небесно-лиловому лоскуту ткани.

— Молодой господин Сяо, — начал старик, — это долгая история, к тому же наша тканевая мастерская — личная собственность, раньше с приходящими сюда посетителями запрещено было болтать. Вот только...

— Вы говорите, мы очень внимательно слушаем. — Мянъ Я, глядя на начавшего безостановочно излагать, но немедленно умолкшего старика, горел желанием вернуться и погрузиться в самую суть истории.

Повисшая интрига являлась козырем, который и впрямь возымел эффект.

Фу Тун, до этого затронув часть истории, и в самом деле приступил к основному сюжету и, указывая на красивый и изумительный кусок материи, выкрашенный в лиловый, поинтересовался:

— Молодой господин Сяо, Вы только что сказали, что в ткани ничего особенного нет, это обычное сырьё, а исключительность заключается в краске. Итак, знаете ли вы, каким образом получается небесно-лиловый цвет?

На что князь скромно покачал головой.

Старик, словно о чём-то поразмыслив, через минуту произнёс, тихонько вздохнув:

— Я девятнадцать лет перенимал дело предков, занимался тканым делом семьдесят лет и на сегодняшний день получил три вида краски, но, к сожалению, в жизни случается несчастье — у меня нет детей. Взял двух учеников, но, как нарочно, государь призвал их на военную службу, отправив охранять границу. До сего дня присматривать за этой лавкой остался лишь я, этот старикашка, вместе со старым управляющим...

Подобная куча брюзжания заставила всех вновь растерянно переглянуться.

Ой, мамочки-и! Чем больше дело претерпевает изменений, тем изумительнее становится!

Простая прогулка по базару превратилась в посещение лавки тканей, которая, в свою очередь, переросла в слушание истории от хозяина лавки о создании небесно-лилового цвета, что является весьма обычным делом. Вот только сейчас этот старикашка, не останавливаясь, болтает об истории своей семьи, что за хрень?!

«Ведь мы[5] так редко выходим куда-либо поразвлечься, да ещё на целый день, а!»

И вот, когда Фэн Мин уже хотел было заснуть, погружённый в свои воспоминания Фу Тун внезапно будто что-то осознал.

— А-а, — протянул мужчина и ударил себя по седому лбу. — По-вашему, я выжил из ума, раз почему-то заговорил об этом. Что ж, вернёмся к основной теме.

Близняшки в душе поблагодарили Небеса за то, что почтеннейший хозяин наконец-то вспомнил, о чём вёлся ключевой разговор.

— Думаете, окрашивание в небесно-лиловый цвет — секретный способ моей семьи?

«Ошибаетесь, а! Вы так долго болтали именно из-за того, чтобы сказать нам, что это секретный способ?! Тогда зачем мы здесь сидим вообще?»

— ...Вот только сейчас этот способ не считается огромной тайной, даже если узнаете, как покрасить ткань в небесно-лиловый, именно в настоящий небесно-лиловый окрасить не удастся.

Фэн Мин, как и все присутствующие, обомлели.

Знать, но окрасить не удастся? Ну и что это значит?

Фу Тун медленно изрёк:

— В мире есть разные способы окрашивания, в корне отличающиеся друг от друга. Обычные наставники используют минералы для создания цвета, а также цветы и стебли и всегда, когда хотят заполучить чёрный, жёлтый, белый, красный, синий и голубой, добиваются неплохого результата. Вот только такой лиловый, хе, этот старик не хочет хвастаться, но если говорить о подобном лиловом, в мире нет больше мастеров, кто сравнится бы с нашей семьёй Фу. Наша семья может добиться разного цвета, но по-настоящему восхитительным у нас получается именно лиловый. Лучшему лиловому прадед нашей семьи дал достаточно величественное название «небесный лиловый». Благородный, изящный, принадлежащий императору, вот.

Мужчина весь свой жизненный путь погрузил в краску, и хоть речь его была медленной, ленивой, однако в словах чувствовался вес.

Изначально Цю Син, как и другие, не обладала огромным терпением, но слушая его рассказ про окрашивание, сопровождавшийся сосредоточенным и спокойным голосом, невольно прониклась ещё большим любопытством к небесно-лиловому, причём настолько, что похожие на ртуть[6] и наполненные жизнью глаза ждали, когда старик продолжит говорить.

Цю Юэ же мечтательно прервала своё молчание:

— «Лиловый, принадлежащий императору» — в названии и впрямь чувствуется величие, и только оно может сочетаться с таким красивым оттенком. — Опустив голову и поглаживая кусок материи, от которой исходил блеск, девушка поинтересовалась: — Но каким образом в итоге получили такой цвет, Вы всё же не рассказали.

Возможно, очарование молодой девушки наполнило старое сердце капелькой юности, поэтому изборождённое морщинами лицо растянулось в милой улыбке, сам же Фу Тун обратился к Цю Юэ со словами:

— Дочка, если сможешь догадаться, что за сырьё используется в этой краске, то я немедля обучу тебя, как окрасить ткань в небесно-лиловый по методу семьи Фу.

Цю Юэ обомлела от потрясения и смущённо вернула:

— Я, ничего не знающая, как могу отгадать? Тем более, это тайный способ Вашего предка, передающийся через поколения, да ещё как можно его раскрывать мне?

— Можно раскрывать, можно. — Великодушный по своей природе Фу Тун замахал в воздухе худыми руками и замутнёнными от старости глазами посмотрел на князя. — Я уже состарился, к тому же без потомков, и когда я умру, этому ремеслу останется только уйти в могилу,

досадно, а. Разве моим заветным желанием не является стремление найти человека, которому можно будет передать своё мастерство?

На что Его Светлость глуповато кивнул:

— Верно.

А в душе подумал: «Этот старик наверняка немного страдает старческим слабоумием, он хоть и не имеет детей и остался без учеников, но чтобы гостю, зашедшему в лавку, без стеснения раскрывать секреты собственного мастерства! Неужели, не выдержав, без колебаний каждому здесь присутствующему раскроет секретный способ окрашивания семьи Фу? Ну нет, нельзя так».

Раньше при просмотре телесериалов создавалось ощущение, что все подобные предки-преподаватели таинственных чудодейственных секретов и трюков считались настолько важными, что обычная жизнь в сравнении с ними меркла. Если сюжет сериала ещё не доходил до ключевого момента либо пока не появлялось крайне уместной кандидатуры, наставники убивали всех, не позволяя ни на волос просочиться знаниям. Странно...

Однако Цю Юэ, подгоняемая Фу Туном, была вынуждена, поразмыслив, хмуро вымолвить:

— Ох, я ничего не знаю о мастерстве окрашивания, как могу угадать используемое в небесно-лиловой краске сырьё? Вы только что сказали, что в краске минеральные или растительные составляющие, и неплохо получаются чёрные, жёлтые, белые, красные, синие, голубые и прочие цвета, вот только лиловый не получается. По-моему, в неё входит сырьё, не содержащее ни минералы, ни растения.

Старик прищурился в улыбке, а от последней её фразы глаза внезапно засияли, более того, тусклые зрачки почти излучали радость, и, стукнув кулаком по столу, мужчина воскликнул:

— Умница! Дочка, судя по твоим словам, я осмелюсь сказать — у тебя очень много корней мудрости[7] в мастерстве окрашивания.

Где-то в глубине девичьей души родилось сомнение.

Это называется «корни мудрости»?

Любой бы догадался.

Только получив поощрение, Цю Юэ спустя минуту поинтересовалась:

— Неужели это сырьё взято из внутренностей какого-то животного?

— Хорошо-хорошо! — занимавший выгодное положение Фу Тун рассмеялся с ещё большей радостью и кивнул: — Действительно, из внутренностей животного. Если ты догадаешься, что это за животное, я не только обучу тебя искусству окрашивания, но и отдам этот кусок материи небесно-лилового цвета.

Нахмутив брови, Цю Юэ вновь задумалась. По прошествии долгого времени, неизвестно что вспомнив, девушка неожиданно чуть-чуть изменилась в лице:

— Неужели морское животное?

Изумление, которое внезапно появилось на старческом лице, через несколько мгновений исчезло, а сам мужчина с волнением задал вопрос:

— Как ты догадалась?

— Любой бы догадался.

— Корень мудрости! Корень мудрости! — старик был до смерти взволнован. — Неужели и впрямь такая судьба? Тогда ты угадаешь, что это за морское таинственное животное?

Но Цю Юэ вместо ответа, наоборот, спросила, словно не в состоянии определиться:

— Почтеннейший, если я скажу верно, Вы действительно поделитесь со мной способом окрашивания в небесно-лиловый? Но тогда Вы передадите секрет Вашей семьи.

— Конечно, я, такой старый, не стану обманывать одну девчущку вроде тебя.

— Угу. — И Цю Юэ без колебаний открыла рот: — Это животное наподобие морской улитки либо морской ракушки[8]?

Едва фраза коснулась слуха, как Фу Тун учащённо задышал, рот широко открылся, будто собираясь что-то произнести, но ни одно слово так и не сорвалось с престарелых губ, а сам старик на протяжении всего времени стоял прямо, застыв, словно кто-то наложил на него заклинание «остолбеней»[9].

Пара глаз безустанно тарасилась на Цю Юэ, при этом с лица не исчезало потрясение.

Растерянный взгляд Его Светлости встретился с такими же взорами со стороны свиты, отчего в воздухе повис один немислимый вопрос, который мучил всех: «Неужели брошенные наугад слова Цю Юэ с первого раза попали в цель?»

Ну разве не потрясающе?

Семидесятилетний Фу Тун долгое время стоял не двигаясь, в конце концов от учащённого дыхания старик стал задыхаться, а державшая костыль рука, как и ноги, резко задрожала.

Опасаясь, что потрясения могут привести старика к инсульту, Фэн Мин спешно от имени Цю Юэ с крайнем великодушием успокоил:

— Вам не стоит волноваться, тайный способ окрашивания семьи Фу — это то, что передавалось от Ваших предков, Цю Юэ случайно догадалась, поэтому не станет Вас заставлять раскрывать его. Даже если сегодня не вышло, ничего страшного.

Старческое лицо покраснело от неловкости, взгляд буквально впился в лик Цю Юэ, сам же Фу Тун не моргал, словно боялся, что девушка в один миг исчезнет.

Старый управляющий несколько раз усердно прошёлся рукою вдоль спины, помогая хозяину прийти в себя, выровняв дыхание.

Фу Тун, выпуская длинный выдох, заговорил, бурно реагируя:

— Воля небес! Воля небес! Сегодня мне всё-таки позволили столкнуться с вами! Редкий случай взял да ниспослал людей молодого господина Сяо, разве это не воля небес?

На лицах всех — в том числе и Цю Син — появилось выражение, говорящее «ничего особенного».

— Я угадала, да?

— Угадала! Верно угадала! — От радости рот в улыбке растянулся так, что глаза превратились в маленькие щёлочки, будто кроме ноздрей на лице ничего не было[10]. Старик ласково[11] обратился к Цю Юэ: — Дочка, как твоё имя?

— Цю Юэ!

— Хорошее! Очень хорошее имя! Даже имя обладает духовной силой! Ха-ха, ха-ха...

От изумления близняшка вытаращила глаза, открыв рот — имя «Цю Юэ» обладает духовной силой?

— Скорей, управляющий немедленно подготовит всё необходимое к проведению церемонии посвящения в ученики. Цю Юэ, сегодня ты станешь ученицей мастера, чтобы в будущем

передать тебе ремесло окрашивания в небесно-лиловый...

— А это не слишком быстро? — теперь даже Цю Юэ не могла не вытаращиться на мужчину.

— Не быстро, мастеру уже более семидесяти шести лет, живу одним днём[12]. Всё это время мастер беспокоится о судьбе небесно-лилового. — Не дожидаясь согласия девушки, Фу Тун начал «спекулировать» на своём возрасте, называя себя мастером, и удовлетворённо мотнул головой: — Мастер с тех пор, как его двух учеников отправили на границу, день и ночь волновался, что это ремесло не дойдёт до потомков. Увы, твои два старших брата-наставника[13], даже приложив все усилия и навыки, не смогли получить нужный цвет. К счастью, Небеса послали тебя в мою лавку. В будущем может получиться настоящий небесно-лиловый, и, возможно, именно благодаря тебе...

Пока старик говорил данное предложение, управляющий, согласно приказу хозяина, уже подготовил горячий чай и, держа поднос с одной квадратной тарелкой, вышел к гостям. Поставив тарелку перед Фу Туном, мужчина с почтением поинтересовался:

— Господин, эту яшмовую подвеску преподнести как подарок ученице, что думаете?

В тарелке лежала яшмовая подвеска в виде бабочки — изящная, молочно-зелёного цвета; хотя она не являлась редчайшей дворцовой драгоценностью, однако всё равно считалась высокосортной. Весьма удовлетворённый Фу Тун проронил:

— Угу, эта подойдёт. — И обратился к Фэн Мину с улыбкой: — Пожалуйста, прошу Вас, молодой господин Сяо, стать свидетелем того, как этот дряхлый старик[14] сегодня получит Цю Юэ в качестве третьей ученицы.

Широко открывший рот князь посмотрел сначала на старика, а потом перевёл взгляд на свою служанку:

— Это... кажется, слишком скоро? Я до сих пор не понимаю, что происходит.

Ло Юнь, чей холодный взгляд был обращён на Цю Юэ, заметив, что управляющий подначивает девушку опуститься на колени и подать Фу Туна чай, нахмурил брови, и, шагнув вперёд, сразу схватил Цю Юэ и завёл за спину, словно заслоняя собой:

— Сначала нужно прояснить ситуацию.

Старый управляющий, проведший свою жизнь в лавке, где мог встретиться с таким источающим пронзительный холод типом, внезапно испугался до дрожи во всём теле и изменился в лице.

Мянь Я стрелой бросился прикрыть Фэн Мина, защищая.

Фу Тун, испуганно наблюдая за происходящим перед глазами, после долгого размышления сказал:

— Неужели я должен прояснить ситуацию?

Все — Фэн Мин, близняшки, Цю Лань, Мян Я и Ло Юнь — почти одновременно кивнули.

— Ах... — выпустил со вздохом Фу Тун. — Состарился, состарился, и впрямь ум не работает. Я сначала проясню... — и немедля снова начал брюзжать без остановки, как и до этого.

На самом деле Фу Тун с огромным уважением относился к своему ремеслу окрашивания и соблюдал составленные предками строгие правила преподавания во избежание разглашения секретного способа окраски. Во-первых, правила окрашивания в небесно-лиловый следовало передавать потомкам семьи Фу — подобное служило гарантией интересов рода. И действительно, род Фу, передавая знания из поколения в поколение и полагая, что никто не мог их превзойти в ремесле окраски, по крайней мере жил, ни в чём не нуждаясь[15].

У предыдущего главы семейства родился сын, и в выборе потомка не было каких-либо затруднений. Однако, когда подошла очередь Фу Туна, появилась неожиданная загвоздка. Что же делать без потомства? К счастью, по этому поводу род Фу был куда предусмотрительнее, появилось второе правило, которое гласило: если у хозяина нет сына, то можно принимать учеников. Естественно, для набора учеников также были составлены условия, которые звучали крайне странно.

Чтобы постичь знания рода Фу, следовало угадать компонент, а именно морских моллюсков[16], входящих в состав небесно-лиловой краски. Угадавшему суждено было заполучить наставника и перенять искусство окрашивания в лиловый.

С того момента, как Фу Тун понял, что не сможет передать ремесло своим детям, он сообщил о желании найти учеников, так что не меньше сотни человек захотели перенять искусство мастера, но разгадать секретный компонент небесно-лилового было заданием нелёгким.

Мужчина грустил, что не мог передать всей душой любимое ремесло потомкам, совершив множество попыток, он с большим трудом — не без обмана миновав главное препятствие — заполучил двух учеников, которые усвоили лишь небольшую часть от общих знаний и были вынуждены уйти в солдаты.

Фу Тун постепенно состарился, и всякий раз в голове роились мысли о том, как однажды его глаза закроются, и он, под землёй, представ перед предками, доложит о прерывании судьбы небесно-лилового цвета в мире людей, от подобного душу тотчас же охватывали неуправляемые скорбь и печаль. Потому каждый гость, который появлялся на пороге его лавки и казался мужчине неплохим вариантом, проходил проверку вопросом, касающимся небесно-лилового, и если мужчина видел интерес и по лицу посетителя можно было судить о сообразительности и остроумии, как например у Цю Юэ, тем более выносился главный редкий кусок материи, окрашенный в небесно лиловый цвет, и старик решал, можно ли брать человека третьим

учеником.

Поведав всю историю до конца, Фу Тун выпалил, не сдерживая радости:

— Как только узнал, что гость — молодой господин Сяо, я почувствовал, что дело изменится к лучшему, и действительно, при молодом господине Сяо оказалась такая смышлёная и остроумная девчушка. Откровенно говоря, на самом деле если бы она не отгадала, я дал бы несколько подсказок, позволяя ей стать моим преемником в искусстве окрашивания, ведь в конце концов эта девушка — наиболее подходящая кандидатура. Удобный случай выпадает редко, я не хочу, чтобы искусство окрашивания в небесно-лиловый закончилось на моих руках[17].

Мужчина объяснил лишь раз, и только тогда все поняли, почему так внезапно он решил устроить церемонию посвящения Цю Юэ в ученики, более того, за просто так преподнести в подарок сокровище — искусство окрашивания в небесно-лиловый.

Однако Ло Юнь всё же весьма насторожился и, сузив глаза, с подозрением произнёс:

— А почему Цю Юэ — наиболее подходящая кандидатура?

— Конечно, из-за молодого господина Сяо.

— А? — заморгал Фэн Мин и указал на самого себя. — А какое отношение я к этому имею?

Старик Фу Тун обомлел, но через минуту, оглядевшись по сторонам, растерянно вернул:

— Я разве вам ещё не рассказывал об окрашивании в небесно-лиловый?

Все в душе взвыли, закатив глаза.

С пожилыми людьми беседовать и впрямь непросто, ну почему разговор вновь зашёл о том, с чего начался?

Старик медленно изрёк:

— Сырьё для небесно-лилового цвета добывается из фиолетовой раковины, которую можно найти лишь в даньлинском море. Раньше было немного легче с её добычей, а сейчас море повсеместно кишит разбойниками. Ах, кто посмеет отправиться туда на поиски ракушек? Вот только недавно прошёл слух о том, что молодой господин Сяо решил проложить какой-то морской путь, ещё подписал с даньлинским принцем соглашение и может вершить весьма важные дела, не боясь морских разбойников. По-моему, единственный в мире человек, способный заполучить сырьё для окраски в небесно-лиловый, это молодой господин Сяо, и

только он. Поэтому Цю Юэ — наиболее подходящий человек в изучении и дальнейшем овладении искусством окрашивания. В противном случае, даже овладев нужными знаниями, но без «сливовых»[18] ракушек откуда же взяться небесно-лиловой краске?

— А-а... — и наконец-то все поняли, что до этого хотел донести старик.

Не удивительно, что у этого старика при упоминании слов, именовавших князя, глаза тотчас же заблестели, да ещё активно привлекал Цю Юэ к ученичеству — оказывается, мужчине пришёлся по вкусу кусок «фирменного блюда»[19] под названием «род Сяо».

Цю Юэ, также осознав, проговорила:

— Ничего удивительного, что в начале наставник сказал, что даже овладев нужными знаниями, навряд ли можно получить небесно-лиловый цвет, оказывается, нет раковин. — И девушка, пальчиками ухватив рукав платья Ло Юня, что ограждал её, словно лист железа[20], тихонько потянула, шепча: — Чутьочку отойди, не нужно пугать почтеннейшего в его же собственном доме. — Внезапно в словах прозвучала нотка застенчивости.

От ласковой просьбы Ло Юнь даже опешил и смущённо вернулся на своё прежнее место.

А пожилой человек, получив немного заботы со стороны девушки, радостно проронил:

— То есть ты согласна стать моей ученицей?

На что служанка Его Светлости, заливаясь румянцем, с лёгкой улыбкой кивнула:

— Конечно, если смогу окрашивать ткани в такой красивый цвет, то это вполне полезное дело.

Недопонимание растворилось в воздухе, и в итоге все обрадовались. Фэн Мин, само собой разумеется, на правах почётного гостя засвидетельствовал церемонию посвящения собственной служанки. Цю Юэ, встав на колени, подала старику чай, тем самым отдав почести своему наставнику.

Стоящий сбоку и охваченный радостью старый управляющий непрерывно потирал руки, притопывая ногами, а Фу Тун, растягивая рот в улыбке и обнажая беззубые дёсна, отхлебнув преподнесённый Цю Юэ горячий чай, украсил яшмовой подвеской, предварительно взяв из квадратной тарелки, девичью шею. После чего добавил:

— Цю Юэ, ах, старый мастер передаст тебе всё, что вскоре передашь кому-нибудь ты. За это время ты обязательно всему хорошенько обучишься и, пока живёшь с мастером, переймёшь его ремесло, хе.

Оказавшись в затруднительном положении, девушка пролепетала:

— Но я ещё прислуживаю князю Мину.

— Незачем тебе ухаживать, есть Цю Син и Цю Лань, их вполне достаточно. Ты можешь ежедневно приходить сюда учиться, немного поднаберёшься знаний и, может быть, в будущем станешь мастером окрашивания. — При мысли о том, что девушке каждодневно можно будет выходить из дома, князя охватила зависть. — Вот только ты девушка, а как можно одной выходить на улицу? Нужно найти охрану. Кстати, Жань Цин вернулся...

— Лучше я возьму ответственность за её охрану, — неожиданно вставил слово Ло Юнь.

На этот раз даже толстокожий князь обратил внимание и окинул Ло Юня любопытным взглядом:

— Хорошо, ты ответственен за её сопровождение туда и обратно.

Воцарившаяся полная тишина вскоре, неизвестно почему, прервалась гулким смехом.

Отсмеявшись, Фэн Мин захлопал в ладоши:

— Кто бы мог подумать, что, придя сюда посмотреть на ткани, попутно пригласят в ученики. Хорошо, Цю Юэ наконец отыскала наставника, мы тогда оставим её здесь постигать новые знания и навыки и продолжим нашу прогулку.

Поначалу Ло Юнь хотел остаться, но вспомнил, что Его Светлость вне стен дворца, а Мянъ Я вряд ли станет присматривать за этим капризным господином, потому был вынужден прибегнуть к иному плану — оставил двух мастеров меча рода Сяо.

Накупив красивой ткани, толпа распрощалась с Фу Туном и, оставив бедняжку Цю Юэ, вновь радостно отправились прочь из лавки.

Ткани из лавки Фу Туна и высококачественные румяна и пудра — то, что больше всего нравилось девушкам. Цю Син и Цю Лань были крайне взволнованы, и хоть с ними не было Цю Юэ, они ей помогли, принеся кучу разнообразной косметики.

Огромная и бесцеремонная прогулка по магазинам проходила в окружении охраны, которая прокладывала путь, издавдала подобное казалось несколько высокомерным и властным, поскольку, бряцая оружием, свита Его Светлости подчёркивала своё превосходство. Фэн Мин на протяжении всего пути с неопишуемой радостью валял дурака: так как род Сяо не бедствовал, всё, на что падал взгляд, покупалось, мелкие торговцы, понимая, что перед ними важные покупатели, наперебой зазывали их, поднося корзины с товарами и приветствуя дорогих клиентов. Шумного Фэн Мина стража взяла в плотное кольцо, так как переживала, что

может произойти беда.

Царившая атмосфера была жаркой и увлекательной.

Помимо ткани и косметики, они ещё накупили немало еды. Мянью Я, находясь в горячей атмосфере покупок, также вступил в ряды покупателей и приобрёл несколько пар прочных на вид холщёвых сапог. Цю Син, увидев прилавок с цукатами, взволнованно помчалась к нему, таща за собой Цю Лань:

— Цю Юэ тоже любит их есть. — Набрав три-четыре свёртка лакомств, девушка бросила монеты торговцу и тотчас же убежала.

Ло Юнь тихо плёлся за близняшкой и, поколебавшись с минутку, также отдал деньги, взяв один свёрток цукатов.

В результате, обнимая двумя руками грудь покупок, Фэн Мин почувствовал усталость и, заметив, что время подходит к вечеру, предложил поискать хороший трактир, где можно отужинать.

Ло Юнь не успел открыть рот, как Мянью Я уже подошёл к Его Светлости и прошептал на ушко:

— Князь Мин, государь неоднократно перед нашим выходом наказывал, что сегодня нельзя развлекаться допоздна, он может пораньше прибыть в резиденцию Хэцин и ждать Вас.

Фэн Мин, этот любитель поразвлечься, не мог послушаться приказа Жун Тяня, да и ноги уже ныли, потому немедля развернулся и, держа сегодняшний «большой улов», со свистом отправился восвояси.

Примечания:

[1] Фу Тун называет Цю Юэ 囡(gūniang, gūniáng) — гунян — что означает «девушка (незамужняя)», а также разг. «дочь».

[2] В оригинале фраза звучит как «бамбуковое положение», что означает «попасть в затруднительное положение», «ни туда и ни сюда», «меж двух огней».

[3] В прошлой главе мы узнали, что «счастливые врата» — это название лавок, продающих ткани.

[4] Иероглиф 龍 (lóng) — лун — можно перевести не только как «императорский» или «дракон», но ещё и «высочайший».

[5] Фэн Мин о себе и своём окружении.

[6] Означает очень подвижные, энергичные, живые глаза.

[7] Корень мудрости — один из пяти органов познания в буддизме. Также иероглифы 慧 (huìgēn) — хуэй\хой гэнь — можно перевести как «ум\интеллект». То есть мужчина хочет сказать, что Цю Юэ очень смышлёная.

[8] Имеется в виду ракушка с моллюском внутри.

[9] В оригинале фраза 定身法 (dìng shēn fǎ) — диншэньфа — как раз относится к магическому заклинанию, не позволяющему двинуться с места. Потому мы позволили себе вольность и вспомнили заклинание обездвизивания из «Гарри Поттера».

[10] В оригинале фраза звучит как 有鼻子没眼 (yǒu bízi méi yǎn) — ю бицзы мэи янь — дословно переводится как «есть нос, нет глаз».

[11] 慈爱 (cí'ài) — цыай — имеется в виду ласка (к детям) либо материнская любовь.

[12] 一天一天 (yītiān shì yītiān) — итянь ши итянь — дословно можно перевести как «один день и есть один день», которое означает как раз «жить одним днём, не задумываясь о завтрашнем».

[13] 师兄 (shīxiōng) — шисюн — имеется в виду старший соученик одного мастера.

[14] 老朽 (lǎoxiǔ) — лаосю — «дряхлый» — уничижит. «я» (старик о себе).

[15] 饥寒不恤 (chī chuān bù chǔ) — чи чуань бу чоу — не испытывать нужды в пище и одежде; обр. ни в чём не нуждаться, жить в достатке.

[16] Имеются в виду брюхоногие (Gastropoda) и двустворчатые (Bivalvia) моллюски.

[17] Имеется в виду последний из своего рода.

[18] 梅雨 (méiyǔ) — мэйюй — переводится как «сливовые дожди» — это весенний сезон дождей (с марта по май, в период созревания слив), но в данном контексте имеется в виду фиолетовый цвет слив, схожий с цветом ракушек.

[19] 大招牌 (dà zhāopai) — да чжаопай — также можно перевести как «огромная вывеска».

[20] Образно означает: солидный, основательный.

<http://bllate.org/book/13377/1612589>